

СТАТЬИ

М. В. РУБЦОВА
 Алтайский университет

АММИАН МАРЦЕЛЛИН И АНТИЧНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ЕВРОПЕ

«Res gestae» Аммиана Марцеллина содержит значительное количество географической информации разнообразного характера, как почерпнутой из обширной географической традиции, так и основанной на собственных наблюдениях. Данная работа посвящена проблеме восприятия античной географической традиции о Европе Аммианом. При этом нас будет интересовать не соотношение *visa* и *lecta* в географических экскурсах Аммиана, а особенности обращения историка к географическому материалу.

Античная географическая традиция — явление, которое включает в себя не только специальные трактаты, но и другие тексты, в том числе исторические. По определению К. ван Паассена, это литературный жанр со своими специфическими особенностями — это не географическая наука, как ее понимают в XX веке, но и не некая сумма сочинений, это «литературная традиция», обнаруживающая единые черты от начала до конца классической древности¹. По замечанию Н. В. Пьянкова, структурной единицей этой литературной традиции является не отдельный текст, а «тема», под которой автор понимает законченное по смыслу сообщение². Такой темой можно считать Европу как одну из частей мира, известного античности.

Сами античные авторы выделяли два типа географии. Первый, по определению Клавдия Птолемея, «есть линейное изображение всей ныне известной нам части земли со всем тем, что на ней находится» (Ptol. Geogr. 1.1). Тем самым, Птолемей противопоставляет географию и хорографию — описание отдельных стран и народов. Страбон, напротив, понимал географию в расширительном смысле, включая в нее подробное описание отдельных территорий и населяющих их народов и приравнивая географа к философу (Strabo. I. 1.1). Второй вариант географической традиции станет объектом нашего внимания, так как античное историописание восприняло в большей степени именно его.

Прежде чем приступить к анализу представлений Аммиана о Европе, необходимо выявить ту роль, которую играла география в собственно исторических произведениях и, в частности, у Аммиана. Уже «История» Геродота изобилует описаниями отдельных стран и народов. Теоретическое же обоснование необходимости обращения историка к географии ясно выражено у Полибия

Мария Викторовна Рубцова, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений исторического факультета Алтайского государственного университета. Сфера научных интересов — история поздней Римской империи.

¹ Paassen C., van. The Classical Tradition of Geography. Groningen, 1957. P. XL. Цит. по: Пьянков Н. В. Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 3.

² Пьянков Н. В. Указ соч. С. 4.

и Страбона. Географические сведения для этих авторов обладают практической ценностью. Для Полибия география является способом разьяснения и конкретизации исторического материала (Polyb. III. 36.1), прежде всего связанного с военными и политическими действиями (Ibid. V. 4-9). По Страбону, география обладает исключительной практической ценностью для политики (Strabo. 1.1.16-19). Для Страбона характерно представление об определенном параллелизме географии и историографии: «Ведь этот труд («География». — М. Р.) имеет одинаковый план с прежним («Исторические записки»³. — М. Р.) и предназначен для того же круга читателей... Как в моих «Исторических записках» упомянуты только события из жизни выдающихся людей, а мелкие и бесславные деяния опущены, так и в настоящем сочинении я не должен касаться маловажных и незаметных явлений, а заняться предметами славными и великими, содержащими практически полезное, достопамятное или приятное» (Strabo. 1.1.23).

Соответственно этим положениям, многие античные исторические произведения содержат пространные отступления относительно тех местностей, где происходили описываемые события. Кроме того, географический принцип распределения исторического материала стал превалирующим для некоторых авторов, как, например, для Аппиана⁴. Указанный принцип был воспринят не только греческой, но и римской историографией. Но в последней обширные географические отступления характерны скорее для «малых форм», имеющих дело с историей отдельного региона или события, таких, как «Югуртинская война» Саллюстия, «Записки о галльской войне» Цезаря или «Германия» Тацита.

Таким образом, ко времени Аммиана сложилась устойчивая традиция помещения в историческое сочинение географических сведений различного характера. О том, какую роль играли эти сведения в произведении Аммиана, в литературе нет единого мнения. Одни исследователи помещают географические экскурсы Аммиана в раздел *curiositas*, считая их несущественными⁵. Другие, напротив, рассматривают их как необходимую часть исторического описания, составленного в соответствии с античными канонами⁶. Различно решается и вопрос об источниках географических представлений Аммиана. Т. Барнс выделяет три типа таких источников: латеркулы римских провинций и народов за пределами римской территории, труды предшествующих историков, собственные наблюдения⁷. В различных экскурсах объемы *visa* и *lecta* варьируются⁸. Особенно это касается описания Британии, в которой историк никогда не был. Поэтому все сведения о географии Британии несомненно относятся к разряду *lecta*.

Сам Аммиан не скрывает своего использования трудов предшествующих авторов, напротив, он часто подчеркивает это (Amm. XV. 9.2; XXII. 8.1; XXVII. 4.2 etc). Соответственно, Аммиану были известны и представления о роли географических описаний в историческом произведении. О том, что это действительно так, говорит вступление к описанию галльских областей: «...чтобы при описании быстрых походов и разнообразных случайностей военных собы-

³ См.: Strabon // *Tusculum lexikon*. München, 1982. S. 749.

⁴ Михайловский Ф. А. Аппиан и его «Гражданские войны» // Аппиан. Гражданские войны. М., 1994. С. 384-388.

⁵ См.: Ensslin W. *Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus*. Leipzig, 1932. S. 16-18.

⁶ См.: Crump G. A. *Ammianus Marcellinus as a Military Historian*. Wiesbaden, 1975. P. 35 ff.

⁷ Barnes T. D. *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca; L., 1997. P. 95.

⁸ Ibidem.

тий, объясняя что-либо некоторым не известное, не оказаться похожим на нерадивых матросов, которым приходится чинить поврежденные паруса и канаты при буре..., хотя можно было все это свободно сделать и раньше» (Амм. XV. 9.13; ср. Polyb. V. 21.4-9). В большинстве случаев для Аммиана географические события не были чем-то отвлеченным и второстепенным. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что основное количество географических экскурсов, как это можно заключить из охвата описываемых территорий, содержится в сохранившихся книгах, где речь идет о событиях, свидетелем которых был сам Аммиан и его современники. По замечанию Г. Крампа, многие географические отступления предваряют рассказ о войнах⁹.

Географические экскурсии Аммиана, конечно, зачастую содержат и информацию, далекую от предмета его сочинения. Но такая черта характеризует скорее состояние географических представлений в поздней античности¹⁰ или культурных запросов IV в.¹¹, чем принципы, которыми руководствовался историк, составляя эти экскурсии.

Таким образом, основная цель географических описаний у Аммиана — дать полное представление о регионе, в котором совершались значимые для Империи события. При этом особое внимание уделяется тем регионам, которые были ареной постоянных военных конфликтов, а топографический и этнографический материал служит для конкретизации условий, с которыми сталкивались римляне в военных кампаниях.

В соответствии с этими положениями Аммиан рассматривает и европейские регионы, как римские, так и *barbaricum*. В сохранившейся части труда Аммиана нет четкого определения границ Европы, хотя возможно, что таковое было предпринято в потерянных книгах. По крайней мере, краткие замечания о восточных границах Европы (Амм. XXII. 8.7.27) находятся в соответствии с описаниями предшествующих авторов (Polyb. III. 37.8; Strabo. II. 5.26; Mela. 1.1 etc). Но Аммиан не сообщает никаких сведений о территориях за Доном, сам же Дон упоминается в связи с важнейшим для Римской империи событием — форсированием реки гуннами и вторжением их в готское географическое пространство. Для Аммиана четкое деление на части света имело гораздо меньшее значение, чем для предшествующих географов. Об этом говорит описание побережий Черного моря (Амм. XXII. 8), где по очереди описываются европейские и азиатские (в их античном понимании) регионы. В этом экскурсе Аммиан ближе к распространенным в то время описаниям береговой линии отдельных морей, чем, например, к Страбону (ср. Strabo. XI. 2.1). Кроме того, историк дает лишь разрозненные описания европейских регионов. Все это говорит о том, что для Аммиана взгляд на Европу как единое целое не представляет практической значимости. Как отмечает А. Б. Дитмар, для географических представлений периода Римской империи характерны политико-административные принципы районирования ойкумены¹², и это определение вполне подходит для Аммиана.

Для географической традиции того периода было также аксиоматично, что *orbis terrarum* совпадает с *orbis Romanum*, и, соответственно, деление ойкумены во многом связывалось с территориальным делением Римской империи. Такая традиция нашла отражение и у Аммиана. Это проявляется не только в утверждении, что «по всем, сколько их ни есть, частям земли чтят Рим как владыку

⁹ Crump G. A. Op. cit. P. 36.

¹⁰ О позднеантичной географической традиции см.: Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953. С. 482, сл.; Бородин О. Р. Развитие географической мысли // Культура Византии IV-первой пол. VII в. М., 1984. С. 432-466.

¹¹ Crump G. A. Op. cit. P. 34.

¹² Дитмар А. Б. География в античное время. М., 1980. С. 113.

и царя» (Амм. XIV. 6.6)¹³. Центральное место в географических экскурсах занимают описания провинций Римской империи, завершающие раннюю, в том числе «доримскую», историю описываемых территорий.

Самое пристальное внимание Аммиан уделяет галльским областям — району, связанному с деятельностью цезаря Юлиана. Описание галльских провинций выдержано в классических традициях античной географии и содержит информацию трех типов: происхождение и ранняя история галльских племен, заканчивающаяся их покорением Риму; «этнические» характеристики галлов; современная Аммиану политическая топография галльских провинций. Каждый из этих типов может служить иллюстрацией принципов Аммиана в подборе географических сведений.

История галльских племен, построенная на сообщениях предшествующих Аммиану авторов, является данью географической традиции, которой он открыто следовал. Сам Аммиан ссылается на Тимагена (Амм. XV. 9.2), но очевидно, что им привлекались и другие источники¹⁴, в частности Цезарь (Амм. XV. 11.1-5; cf. Caes. B. G. I. 1 sqq.) или опиравшиеся на него авторы¹⁵. Но данный историко-географический экскурс служит у Аммиана не только иллюстрацией собственной образованности. Он содержит большое количество *exempla* римской доблести и может рассматриваться как существенная часть в описании «деяний» Юлиана в Галлии, которые, по словам самого Аммиана, «превзошли многие храбрые деяния древности» (Амм. XVI. 1.2).

Давая характеристику галлам, Аммиан также во многом следует уже сложившейся традиции, помещавшей этнографические данные в географическое описание, дополненной собственными наблюдениями¹⁶. Но в этом описании примечательна одна деталь — профессиональная оценка Аммианом использования галлов на военной службе. Он говорит, что «для военной службы годятся у них люди любого возраста, и равным образом выступают в поход как старик, так и юноша, поскольку они закалены морозом и непрерывным трудом и способны вынести много трудных испытаний». Тем самым они противопоставляются жителям Италии (Амм. XV. 12.3). Таким образом, в этом случае также переплетается географическая традиция и прагматический подход, напоминающий о популярности в IV в. разнообразных наставлений в военном деле¹⁷.

Наконец, топография галльских провинций имеет также несколько задач. В первую очередь, за счет описания этих провинций Аммиан помещает рассказ о деятельности Юлиана в конкретные географические условия. Характерно, что расположение провинций в этом случае более соответствует 355 г., то есть периоду описываемых событий, а не времени написания Аммианом своего труда¹⁸. Во-вторых, структура самого описания провинций во многом совпадает с распространенными в IV в. итинерариями и краткими описаниями «круга земель», что опять же показывает практическую значимость географических описаний у Аммиана. Но если для итинерариев, по мнению Н. В. Пигулевской, был характерен интерес прежде всего к экономическим вопросам¹⁹, то у Амми-

¹³ См.: Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974. С. 70, сл.

¹⁴ Подробнее см.: Mommsen Th. *Ammians Geographica* // *Hermes*. 1881. № 16. S. 602-636.

¹⁵ Barnes T. D. *Op. cit.* P. 98.

¹⁶ *Ibid.* P. 100.

¹⁷ См., напр.: Anonimus. *De rebus bellicis*, составленный в 70-х гг. IV в.

¹⁸ *Ibid.* P. 99.

¹⁹ См.: Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М., 1951. С. 115, сл.

ана данный экскурс приводится «как по военным, так и по культурным соображениям»²⁰. Внимание к военным аспектам топографии проявляется еще больше в разбросанных по всему тексту описаниях отдельных местностей Европы (Амм. XV. 4.2-6; XXI. 10.3 etc.). В этом отношении прослеживается своеобразное сочетание географической традиции и собственных наблюдений Аммиана, причем на первый план выдвигается практическая значимость географических описаний.

Представления Аммиана о Европе не ограничиваются лишь римской территорией. Историк противопоставляет цивилизованному римскому миру варварские племена, которые постоянно угрожали Римской империи²¹. Сохранившиеся книги «Res gestae» не содержат связного описания внеримских европейских территорий, в то время как восточным странам уделяется достаточное внимание (Амм. XXIII. 6). Можно лишь предположить, что такое описание было предпринято Аммианом, который мог опереться на обширную географическую традицию о Германии, в потерянной части его труда. Но отдельные высказывания Аммиана дают возможность судить о том, что подобное описание должно было обладать ярко выраженной спецификой. Если обращение к восточным странам во многом носит «книжный» характер и содержит значительное количество информации, не относящейся к основному повествованию, то в отношении подбора сведений о германских племенах Аммиан более практичен.

Территория за Рейном чаще всего фигурирует как «варварская земля», причем Аммиан указывает на ее обширность (Амм. XXVII. 10.7), не затрагивая вопросов о ее границах. Соответственно, Аммиана в этом случае интересует, прежде всего, этнографическая информация. Образцом описания варварских племен может служить экскурс, посвященный гуннам и аланам (Амм. XXXI. 2). Даже используя географическую традицию, Аммиан выбирает факты, которые составляют общую характеристику варварского племени как опасного врага. Наряду с описанием образа жизни, большую роль здесь играют замечания о способах ведения войны (Амм. XXXI. 2.8-9) и политическом устройстве. Собственно германским племенам в сохранившихся книгах не уделяется отдельного экскурса, но в их отношении Аммиана интересовали факты аналогичного характера²². Вопрос об отношении Аммиана к германцам составляет отдельную проблему²³. Для нас же важно отметить, что на выбор Аммианом информации о германских племенах влияла сама обстановка IV в. Германцы, с одной стороны, представляли постоянную угрозу для римлян, а с другой — играли заметную роль во внутривосточных событиях. В связи с этим Аммиан отступает от канонов географической традиции и оперирует информацией, имевшей практическое значение.

Таким образом, изображение Аммианом европейских территорий чаще всего подчинено общей идее всего труда историка. В соответствии с этим, Аммиан не просто следует географической традиции, но творчески перерабатывает ее, подбирая необходимые для него факты. Поэтому традиционные представления приобретают в «Res gestae» определенную специфику. Во-первых, римская территория строго отграничивается от варварского мира, а районирование европейских земель опирается на современное Аммиану политико-административное деление Римской империи. Во-вторых, Аммиан подбирает факты, имевшие, прежде всего, практическое значение для историка, помогавшие лучше обрисо-

²⁰ Crump G. Op. cit. P. 37.

²¹ См.: Demandt A. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965. S. 23 ff.; Удальцова З. В. Указ. соч. С. 70, сл.

²² См., напр.: Амм. XXVIII. 5. 8-14.

²³ См.: Demandt A. Op. cit. S. 31 ff.

вать условия, в которых протекали те или иные события, либо выразить собственное мнение о проблемах, стоявших пред Римской империей IV в.

SUMMARY

The article «Ammianus Marcellinus and the Ancient Geographical Tradition on Europe» of M. Rubtsova is devoted to the problem of the Ammianus Marcellinus' appeals to the Greek-Roman geographical tradition from the point of peculiarities of using the geographical material in the «Res Gestae».

There are two main opinions in the historiography on the Ammianus' geographical excurses. Some scholars refer them to the type of curiositas, another consider that this excurses are organical part of the historical work of Ammianus.

Analysis of the Ammianus' reports on European territories allows to make the following conclusions. This descriptions mostly submit to the general idea of the «Res Gestae». Ammianus not just follows the geographical tradition, but converts it, choosing the facts he needs. It gives some specific character to the traditional geographical ideas. Firstly, the roman territory is strictly separated from barbaricum and territory division of Europe bases on the administrative-political division of the Roman Empire, contemporary to Ammianus. Secondly, Ammianus chooses the facts of the practical usage, which help the historian to give concrete expression to the describing events or to convey his own opinion on the problems of the IV-th century Roman Empire.